

Генезис идеи о судебном контроле в уголовном судопроизводстве России

В своем нормативном развитии идея судебного контроля за законностью и обоснованностью действий и решений следственных органов объективировалась через три относительно самостоятельных этапа:

1. *Становление и развитие идеи* судебного контроля как уголовно-процессуального института и особой формы деятельности суда (1864-1917 гг.);
2. *Регресс идеи (института) судебного контроля*, завершившийся фактически полным отказом от данного института (1917-1960 гг.);
3. *Возрождение и нормативное закрепление идеи судебного контроля* как важнейшей конституционной гарантии прав, свобод и законных интересов личности в правовом государстве и обществе (1991-2002 гг.).

Исследуя сущность, содержание и процессуальные формы судебного контроля по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС), российские процессуалисты характеризуют последний как элемент судебной власти, признак ее внешней самостоятельности. И, прежде всего, по мнению С.И. Викторского, «из внешней самостоятельности судебной власти вытекают следующие положения..., она, наконец, должна быть наделена широкими правами по ограждению свободы личности от произвольных арестов»¹.

Соответственно, применительно к УУС 1864 г. элементы судебного контроля исследовались, как правило, в связи и по поводу применения мер процессуального принуждения. Между тем, современные исследователи обоснованно обращают внимание на то, что УУС и практика его применения выработали еще несколько относительно самостоятельных форм реализации судебного контроля в судах общих установлений Российской империи.

¹ Викторский С. И. Русский уголовный процесс. – М., 1977. С. 86.

К примеру, А. В. Солодилов, всесторонне исследуя этот вопрос, относит к самостоятельным формам судебного контроля положения ст. 8-11, 47-49, 55, 77, 80-84, 492, 496-498, 501-509, 529-531 УУС². Отдельные из этих форм называет и М.А. Устимов, добавляя к ним положения ст. 275, 277, 285, 268, 491 УУС³, а также Н.А. Колоколов (ст. 277 УУС)⁴.

Отчасти соглашаясь с мнением данных ученых, вместе с тем отметим, что не все из названных норм можно отнести к институту судебного контроля. Не определившись изначально в признаках судебного контроля, названные авторы относят к этому институту такие формы отправления процессуальных полномочий, которые, на наш взгляд, судебным контролем не являются.

В частности, трудно согласиться с тем, что в качестве формы реализации судебного контроля можно исследовать положения ст. 47 УУС, в соответствии с которой мировой судья при отсутствии обвиняемого или недостаточности доказательств по делу публичного обвинения (был) **вправе поручить местной полиции собрать все необходимые по делу сведения**, с тем, чтобы иметь возможность разрешить дело по существу. Применительно к этой норме нет ни одного из необходимых признаков судебного контроля. А именно: а) в наличии нет социально-правового спора (конфликта) сторон, который предстоит разрешить мировому судье; б) нет инициативы сторон, как (легитимного) повода к началу процедуры судебного контроля; в) нет самого предмета контроля, и не ясны его пределы; г) нет процедуры судебного заседания как предусмотренной законом, обрядной формы разрешения спора; д) наконец, нет итогового судебного акта, вынесенного по результатам контроля и призванного к законному и обоснованному разрешению спора сторон, чьи права нарушены в ходе досудебной процессуальной деятельности. Поэтому природа подобного

² См.: Солодилов А.В. Судебный контроль за проведением следственных действий и решениями прокурора и органов расследования, ограничивающими конституционные права и свободы граждан в уголовном процессе России //Дисс... канд. юрид наук. – М., 1998. С. 85.

³ См.: Устимов М.А. Судебный контроль на стадии предварительного расследования. //Дисс... канд. юрид наук. – Саранск, 1999. С. 18–22.

⁴ См.: Колоколов Н.А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования: реальность, перспективы //Государство и право. – 1998. – № 3. – С. 31–39.

поручения во многом аналогична той, которая в действующем законодательстве, к примеру, предусмотрена ч. 4 ст. 38 УПК РФ.

Отсутствуют существенные признаки судебного контроля и при анализе положений ст. 48, 49 УУС. Указанные в них полномочия мирового судьи в части, касающейся **реагирования на поводы к начатию дела** (ст. 42 УУС), объективно вытекают из принципа публичности уголовного судопроизводства. Судья в данной ситуации действует *ex officio* (по обязанности), реагируя в рамках предоставленных ему полномочий на законный повод к возбуждению дела, а не в силу функции реализующегося судебного контроля.

Не могут быть отнесены к формам реализации судебного контроля и полномочия мирового судьи, закрепленные в ст. 77–84 УУС, ибо **меры к пресечению обвиняемым способов уклоняться от суда** применяются по внутреннему убеждению мирового судьи о целесообразности принятия такого решения; по делу, которое находится в его производстве, не по инициативе стороны обвинения, ходатайствующей об этом перед судом. Нет в этой ситуации и правового спора сторон. Соответственно, нет необходимости в процедуре судебного заседания, призванной к разрешению спора. Поэтому в названной ситуации, скорее, налицо отправление функции правосудия, средством к реализации которой выступают и контрольные полномочия судьи.

Сказанное во многом касается и нормативных предписаний ст. 269 УУС, которые Н.А. Колоколов, А.В. Солодилов, М.А. Устимов также называют в качестве формы реализации судебного контроля в судах общих установлений Российской империи. Очевидно, что хотя судебный следователь и обладал правомочием по проверке, дополнению и отмене действий полиции, связанных как с дознанием, проводимым в порядке ст. 252-254 Устава, так и с совершением неотложных следственных действий в порядке ст. 258-259 УУС, осуществление этих полномочий находится в рамках реализации его более общей функции по всестороннему и объективному расследованию обстоятельств дела. В этом плане контрольно-проверочные полномочия судебного следователя, предусмотренные указанной нормой (ст. 269 УУС), являются элементом текущего

контроля, имманентно присущим для всего судебного права в целом, изначально построенного таким образом, чтобы каждый последующий этап или стадия уголовно-процессуальной деятельности выступали в качестве контрольно-проверочных по отношению к предыдущим. Отсюда названные полномочия следователя связаны не столько с разрешением правового спора сторон, сколько с формированием его внутреннего убеждения о доказанности обстоятельств дела, независимой оценкой полученных данных. Отсутствуют в указанных нормах и другие необходимые признаки судебного контроля, обособляющие его в самостоятельный институт.

Принципиально иная ситуация имеет место в тех случаях, когда суд реализует свои контрольные функции по проверке фактической и юридической стороны тех или иных действий или решений по делу не в рамках собственного производства, а по запросу (инициативе) других заинтересованных органов и лиц, когда исключительно в рамках запроса предстоит решить, насколько допустимо ограничение прав участников процесса или насколько обоснованы требования стороны к суду о защите нарушенного интереса или права.

Так, полномочия окружного суда по рассмотрению законности и обоснованности **мер по обеспечению заявленного гражданского иска или же возможной конфискации имущества**, предпринимаемых судебным следователем в рамках ст. 268 УУС, объективно образуют самостоятельную форму судебного контроля и выступают в качестве процессуальной гарантии от произвольности принятия такого решения. В наличии (потенции) есть спор сторон (по поводу законности и обоснованности названных действий); есть ограничение прав личности; есть законный повод (инициатива) к началу контроля; есть обязанность суда к его проверке и вынесению судебного акта (акта правосудия), призванного к законному и обоснованному разрешению спора.

Признаки судебного контроля отчетливо просматриваются и в положениях ст. 8–11 УУС. Еще либеральные деятели судебной реформы 1864 г. обоснованно усматривали в них процедуры, аналогичные *Habeas corpus act*⁵. И хотя кон-

⁵ См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – СПб, 1995. Т. 1. С. 158–162.

кретные процедуры этой формы контроля на исследуемый период не были детально прописаны законодателем, надо признать, что именно она стала одной из наиболее действенных процессуальных гарантий прав обвиняемого (от неправомерных арестов) по УУС 1864 г.

Аналогичную ситуацию мы имеем и при анализе положений ст. 275-277 УУС, закрепляющих в качестве самостоятельных форм судебного контроля полномочия окружного суда по рассмотрению **жалоб на отвод судебного следователя** и контроль за законностью и обоснованностью его решения **о прекращении производства по делу**. В первом случае (ст. 275 УУС), рассматривая основания к отводу судебного следователя, окружной суд выступал в качестве независимой судебной инстанции, призванной к справедливому разрешению возникшего конфликта следователя и одной из сторон, заинтересованной в том, чтобы дело расследовалось столь же беспристрастным и безупречным лицом судебного ведомства. Во втором случае (ст. 277 УУС) окружной суд выступал в качестве гаранта прав личности на судебную защиту своих нарушенных интересов. Значимость этой формы защиты прав и свобод личности была столь правильно оценена составителями судебных Уставов⁶, что не только решение судебного следователя, но и решения окружного суда, вынесенные по результатам (данной формы) контроля, могли стать предметом дальнейшей (кассационной) проверки, но уже в судебной палате (ст. 534 УУС).

В качестве формы судебного контроля со стороны окружного суда необходимо рассматривать и нормы ст. 285 УУС, в соответствии с которой следователь в случае несогласия с **указаниями прокурора о задержании обвиняемого или об освобождении его из-под стражи** вправе был вынести решение этого вопроса на разрешение окружного суда.

Обоснованно отнесение к формам реализации судебного контроля и положений ст. 491-493, 501-509 УУС, регламентирующих порядок рассмотрения

⁶ Статья 277 УУС была одной из наиболее применяемых в практике уголовного судопроизводства Российской империи, что придавало особую значимость этой форме судебной защиты прав граждан. См.: Российское законодательство X-XX веков. Судебная реформа. – М.: Юрид. лит., 1991. С. 292–293.

жалоб на следственные действия, стесняющие права и свободы граждан.

Поскольку подобные решения судебного следователя и по форме, и по содержанию являлись актом судебной власти, они не могли подлежать ведению прокуратуры, требуя судебного порядка проверки фактических и юридических оснований законности и обоснованности их принятия и производства.

Оправдано отнесение к формам судебного контроля и норм ст. 529–534 УУС, сконструированных таким образом, что процедура **предания суду**, предусмотренная в названных нормах, может быть охарактеризована как контрольно-проверочная, по сути, и содержанию.

Таким образом, с принятием УУС 1864 г. судебный контроль оформился не только как самостоятельный уголовно-процессуальный институт, но и как важнейшее направление (функция) судебной деятельности, элемент самоограничения государства (в лице его органов) от произвольности действий или решений, стесняющих права и свободы личности. Выступая в качестве важнейшей гарантии прав личности в уголовном процессе, судебный контроль со временем стал (мог стать) неотъемлемым элементом механизма судебной защиты прав личности, средством достижения цели процесса и эффективного решения его задач, необходимым элементом формирующегося гражданского общества. Последнему не суждено было сбыться и развиваться в свои завершённые формы в силу известных событий октября-ноября 1917 г., когда не только судебная система Российской империи, но и само государство встали на кардинально иной путь «развития», где права и свободы личности скорее декларировались, чем реально обеспечивались системой средств государства.

Вместе с тем «революционные преобразования» первых декретов в области уголовного судопроизводства еще несли на себе следы ряда институтов и норм УУС 1864 г., вольно или невольно признавая тем самым их соответствие как вновь провозглашаемым («демократическим») идеалам, так и декларируемым интересам революционной власти в сфере уголовного судопроизводства.

В соответствии с п. 3 Декрета СНК РСФСР «О суде №1» от 24 ноября 1917 г. разъяснялось, что впредь до преобразования всего порядка судопроиз-

водства предварительное следствие возлагается на местных судей единолично, причем **постановления их о личном задержании и о предании суду** должны быть подтверждены постановлением всего местного суда⁷. Процедуры аналогичные ст. 8–11 УУС здесь очевидны, так как в отличие от «революционных масс» законодатель этого периода (воспитанный на либерально-демократических идеях УУС 1864 г.) еще не считает возможным отказаться от гарантий независимой судебной проверки законности и обоснованности ареста.

Однако в Постановлении НКЮ РСФСР от 15 декабря 1917 г. "О мерах заключения задержанных и об учреждении при тюрьмах следственных комиссий, поверяющих правильность и законность ареста" (пп. 3–4) набирающая силу революционная власть уже отходит от идеи независимого судебного контроля за мерами процессуального принуждения, и контроль **за законностью и обоснованностью арестов** был передан ведению временных следственных комиссий, которые (немедленно) учреждались при тюрьмах в составе трех лиц, по соглашению Петроградского Совета с районными Советами рабочих и солдатских депутатов. Не позже как в 48 часов с момента ареста комиссии проверяли правильность ареста доставляемых лиц и либо направляли дела их по подсудности, либо освобождали их⁸.

Сложившееся регулирование было подтверждено Инструкцией НКЮ от 19 декабря 1917 г. "О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний"⁹, а также Декретом СНК РСФСР от 28 января 1918 г. "О революционном трибунале печати"¹⁰. В соответствии с п. 2-з Инструкции и п. 4-в Декрета, постановления следственной комиссии **об арестах, обысках, выемках, освобождении арестованных** были действительны, если они принимались в составе коллегии из трех лиц. В случаях, не терпящих отлагательства, меры пресечения могли быть приняты единолично каждым членом комиссии с тем, чтобы в течение 12

⁷ См.: История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры: Сборник документов. С. 32.

⁸ См.: Там же. С. 33.

⁹ См.: СУ РСФСР. 1917. № 12. Ст. 170.

часов эта мера была утверждена следственной комиссией. По смыслу указанных норм, в дальнейшем не требовалось и судебной проверки законности и обоснованности отмеченных действий. Таким образом, «революционный законодатель» постепенно отходит от идеи независимого судебного контроля за арестами, подменяя его идеей революционной целесообразности, которая со временем становится доминирующей.

Более того, в ряде нормативно-правовых актов данного периода идея судебного контроля приобретает доселе неведомые ей черты. Об этом свидетельствует Декрет ВЦИК «О суде № 2» от 7 марта 1918 г. Часть 3-я Декрета называется "Верховный судебный контроль", хотя фактически речь в ней идет о единообразии кассационной практики в судах общей юрисдикции. На это указывает и ст. 6 ч. 3 Декрета, определяющая, что Верховный судебный контроль, в случае отмеченных им **противоречий в толковании законов различными кассационными инстанциями**, выносит объединяющие принципиальные решения, которые кассационными инстанциями впредь принимаются к руководству. Отменить решения верховного судебного контроля может только законодательный орган Советской власти¹¹.

Из буквального толкования этих норм, можно сделать вывод о том, что либо (революционный) законодатель уже не понимает сущности судебного контроля как специфической контрольно-проверочной деятельности суда, направленной на разрешение правового спора сторон (а не толкования смысла закона), либо этой идее придается уже принципиально иное значение.

Можно, конечно, предположить, что законодатель уже в этот период считает возможным отнести к самостоятельной (высшей) форме судебного контроля кассационную практику судов общей юрисдикции. Однако буквальное толкование исследуемых норм не дает основание для подобного вывода. Тем более что в ряде положений Декрет возвращается к «традиционной» (известной еще по УУС 1864 г.) идее судебного контроля.

¹⁰ См.: История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу... С. 39.

¹¹ См.: История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу... С. 41.

В соответствии со ст. 21 Декрета предварительное следствие по уголовным делам, превышающим подсудность местного народного суда, производилось следственными комиссиями из трех лиц, избираемых впредь до назначения прямых выборов Советами рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. Однако жалобы (заинтересованных лиц) на определения следственных комиссий приносятся в **окружной народный суд**, который и разрешает их по существу. Согласно ст. 22 Декрета, обвинительный акт заменяется постановлением следственной комиссии о предании суду. Если же таковое окружным народным судом будет признано недостаточно обоснованным (по сути, это проверка судом доказанности фактической стороны обвинения), то от него зависит возвратить дело в следственную комиссию для доследования или поручить таковое одному из членов суда¹².

Не остался без внимания «судебный контроль» и в Декрете СНК РСФСР «О суде №3» от 20 июля 1918 г. Для рассмотрения кассационных жалоб на решения окружных народных судов, вместо Высшего судебного контроля, было решено временно учредить Кассационный суд в г. Москве из двух отделений (ст. 8 Декрета). Как и в Декрете СНК «О суде №2», законодатель либо вновь не видит специфики судебного контроля, либо достаточно осознанно уже признает в качестве самостоятельной формы реализации судебного контроля кассационную судебную практику в (высших) судах общей юрисдикции.

В соответствии с Декретом ВЦИК от 30 ноября 1918 г., утвердившем положение "О народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики", в предмет судебного контроля были дополнительно включены постановления следственной комиссии **о прекращении следствия или о предании суду** (ст. 36). В случае спора сторон они направлялись в народный суд по месту совершения преступления вместе со всем делом производством. Окончательное решение вопроса принадлежало народному суду¹³, кон-

¹² Здесь можно усмотреть аналогию с нормами гл. 34 УПК РФ, процедуры которой должны быть восприняты как самостоятельная форма реализации судебного контроля.

¹³ См.: История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу... С. 69.

тролирующему фактические и правовые основания законности и обоснованности названных решений следственных органов.

Дальнейшее, казалось бы, расширение сферы судебного контроля связано с Декретом ВЦИК от 12 апреля 1919 г., утвердившим положение "О революционных трибуналах", так как по делам, передаваемым в трибуналы чрезвычайными комиссиями (ЧК), трибуналу принадлежало право проверки отдельных **следственных действий** чрезвычайных комиссий (п. 8). Однако постановления ЧК об **арестах, выемках, обысках, освобождении арестованных**, равно как постановления **о прекращении дела и привлечении новых лиц в качестве обвиняемых**, проводятся в порядке существующих постановлений через соответствующие органы (не через суд). Вопрос **о прекращении дела** или **изменении меры пресечения** решается трибуналом (п. 9). В распорядительном заседании трибунала решались также **протесты, жалобы и ходатайства обвиняемых** (о вызове свидетелей, допущении защиты; п. 16).

Декретом СНК РСФСР от 10 июля 1919 г. "Об утверждении и введении в действие положения о полковых судах" была урегулирована процессуальная форма ареста обвиняемого, подлежащего суду военной юрисдикции. В соответствии с п. 37 Положения о взятии обвиняемого **под предварительный арест**, лицом, производящим дознание немедленно выносится особое постановление, в котором отмечается время заключения под стражу, чьим распоряжением производится арест и в каком деянии арестуемый обвиняется. Копия постановления немедленно препровождается в полковой суд, который не позднее истечения суток с момента заключения под стражу проверяет в распорядительном заседании правильность (юридических и фактических) **оснований произведенного ареста** и в случае обнаружения неправильности такового постановляет об освобождении арестованного.

Важное значение имеет и Приказ Реввоенсовета Республики №1595 от 30 сентября 1919 г. "Об утверждении и введении в действие положения о военных следователях". В соответствии с п. 54 Приказа: в случае необходимости **в осмотре и выемке почтовых отправок или телеграфной корреспонденции**

военный следователь, составив по сему поводу мотивированное постановление, сообщает о задержании корреспонденции соответствующему почтово-телеграфному учреждению и о принятой мере доносит подлежащему **трибуналу или коллегии на утверждение**. Последние вправе проверить юридические и фактические основания законности и обоснованности (принятия) такого решения. Важно и то, что по данной категории дел обвиняемый и потерпевший могли приносить жалобы (в суд) на всякое **следственное действие, нарушающее или стесняющее их права**. Все же прочие призываемые к следствию лица – свидетели, сведущие лица, поручители, понятые – могли приносить **жалобы на притеснения**, коим они сами подверглись при следствии (п. 90)¹⁴. Жалобы направлялись революционному военному трибуналу или коллегии военных следователей по принадлежности (п. 91).

Эта позиция нашла свое подтверждение в Декрете ВЦИК от 18 марта 1920 г. "О революционных трибуналах". В соответствии со ст. 10 Положения постановления следователей трибуналов об **арестах, выемках, освобождении арестованных и изменении меры пресечения, о привлечении новых лиц в качестве обвиняемых**, имели силу только за подписью председателя трибунала, по докладу того члена трибунала, коему поручено наблюдение за производством дополнительных следствий по данному делу¹⁵. Вопрос **о прекращении дела до судебного разбирательства** разрешался пленумом трибунала в распорядительном заседании¹⁶.

Перемены в военном положении страны сказались и в сфере регулирования уголовно-процессуальной деятельности. Декретом ВЦИК РСФСР от 21 октября 1920 г. было утверждено "Положение о народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики". В соответствии со ст. 6

¹⁴ Эта идея воспринята законодателем лишь в УПК РФ (2001 г.), найдя свое воплощение в нормах ст. 125. Ранее она была закреплена в качестве конституционной нормы (ст. 46).

¹⁵ По смыслу названной нормы не ясно: принималось ли подобное решение в специальном судебном заседании (что, по сути, форма судебного контроля) или же по субъективному усмотрению председателя трибунала.

¹⁶ Эта позиция законодателя нашла свое подтверждение в Приказе РВС Республики от 4 мая 1920 г. «О введении в действие нового "Положения о революционных военных трибуналах»». См.: История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу... С. 129, 140.

Положения постоянный народный судья единолично: а) наблюдал за производством дознания органами милиции, утверждал или усиливал **меры пресечения** уклонения от следствия и суда, принятые этими органами¹⁷, а в случае необходимости смягчить меры пресечения немедленно вносил вопрос **на разрешение народного суда**; б) разрешал вопрос **о прекращении дознаний** и о **предании суду** по маловажным делам, поступающим от милиции¹⁸.

В соответствии со ст. 36 Положения постановление следователя **о предании суду** или **прекращении дела** должно быть мотивировано. Если это заключительное постановление будет признано народным судом недостаточно обоснованным, суд направлял дело к доследованию. При этом постановление следователя **о прекращении дела** или **о предании суду** направлялось в народный суд по месту совершения преступления вместе со всем делом производством. Окончательное решение по этому вопросу принадлежало народному суду (ст. 37). Отдельные постановления следователя могли быть обжалованы в двухнедельный срок **в народный суд по месту совершения преступления**. Решение суда по этим жалобам являлось окончательным (ст. 38). В исключительных случаях судья мог своим постановлением подвергать обвиняемого **личному задержанию**, причем это постановление вносилось им на усмотрение народного суда в ближайшее заседание (ст. 54)¹⁹.

Последователен законодатель и в отстаивании своей позиции по поводу (якобы) судебно-контрольного характера деятельности НКЮ РСФСР в кассационно-надзорном порядке и по вновь открывшимся обстоятельствам. В Постановлении НКЮ РСФСР от 26 ноября 1920 г.²⁰ нормативно закреплены положения, касающиеся полномочий отдела судебного контроля, в том числе в части рассмотрения в порядке надзора отдельных приговоров и решений народных судов, возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам, направления жалоб и ходатайств отдельных граждан и учреждений, подаваемых

¹⁷ Поскольку здесь отсутствует инициатива сторон, как необходимый признак судебного контроля, мы не усматриваем в данных полномочиях формы реализации судебного контроля.

¹⁸ См.: История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу... С. 149.

¹⁹ См.: Там же. С. 153.

в НКЮ РСФСР на незакономерные действия должностных и частных лиц²¹. В названных нормах законодатель вновь отходит от судебного порядка разрешения подобного рода конфликтов, предпочитая административно-командный способ их разрешения в органах исполнительной власти.

Дальнейшая регламентация судебного контроля, неразрывно связана с созданием кодифицированного уголовно-процессуального законодательства РСФСР. 25 мая 1922 г. постановлением 3-й сессии ВЦИК "Об Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР" введен в действие первый УПК РСФСР. Он применялся лишь до 1923 г., так как 15 февраля 1923 г. постановлением ВЦИК "Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР" был принят новый УПК РСФСР (1923 г.), применявшийся (с изменениями и дополнениями) до 1960 г. Анализируя нормы названных актов, можно выделить следующие формы реализации судебного контроля, которые закреплены как в виде самостоятельной процессуальной формы, так и в комплексе с институтами прокурорского и ведомственного контроля, постепенно набиравшими силу:

1) в соответствии со ст. 6 УПК 1922 г. каждый судья и каждый прокурор, обнаружившие в пределах своего участка или района содержание кого-либо **под стражей** без законного постановления уполномоченных на то органов или свыше срока установленного законом или судебным приговором, были обязаны немедленно освободить неправильно лишенного свободы²²;

2) **о задержании подозреваемого** с указанием оснований, органы дознания должны были в течение 24 часов сообщить суду, которому подсудно данное дело, или же народному судье, в районе которого произошло преступление или был задержан подозреваемый. По делам, по которым обязательно производство предварительного следствия, о задержании обвиняемого органы дознания должны были сообщить в тот же срок следователю и прокурору (ст. 104/2 УПК 1923 г.). При неподтверждении судом, народным судьей или следователем аре-

²⁰ См.: Положение "Об отделах Народного комиссариата юстиции". Там же. С. 159.

²¹ См.: История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу... С. 159.

²² См.: История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу. С. 189.

ста в течение 48 часов с момента получения извещений задержанный должен быть освобожден (ст. 106 УПК 1922 г., ст. 104/2 УПК 1923 г.).

Неизменность такого порядка ограничения прав граждан на неприкосновенность личности была подтверждена постановлением 2-й сессии ВЦИК XI созыва от 16 октября 1924 г. "О дополнениях и изменениях Уголовно-процессуального кодекса РСФСР" (ст. 104 УПК) и постановлением ЦИК СССР от 31 октября 1924 г., утвердившем "Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных республик" (ст. 12)²³;

3) в соответствии со ст. 148 УПК 1923 г., прокурор мог предложить следователю отменить принятую меру пресечения или заменить ее другой, или же избрать меру пресечения, если таковая не была избрана следователем. В случае несогласия следователя с предложением прокурора вопрос **разрешался судом**, которому было подсудно данное дело;

4) на основании ст. 125 УПК 1922 г. **отвод, заявленный против следователя**, направлялся последним в течение 24 часов в народный суд того района, где находится камера следователя, или в тот суд, при котором следователь состоял. Суд был обязан в течение трех суток разрешить заявленный отвод. Аналогично вопрос решался по нормам ст. 122/2 УПК 1923 г.²⁴;

5) в тех случаях, когда в качестве меры пресечения было избрано **заключение под стражу** исключительно ввиду опасения, что обвиняемый, находясь на свободе, будет препятствовать раскрытию истины, его содержание под стражей не могло продолжаться более двух месяцев. В особо сложных делах срок этот по определению суда, которому подсудно данное дело, мог быть продлен на один месяц (ст. 162 УПК 1922 г.)²⁵;

²³ Там же. С. 325, 368.

²⁴ Этот порядок был изменен постановлением 2-й сессии ВЦИК XI созыва от 16 октября 1924 г. "О дополнениях и изменениях Уголовно-процессуального кодекса РСФСР". В новой редакции ст. 122/2 УПК отвод, заявленный против следователя, направлялся последним в течение 24 часов прокурору. Прокурор был обязан в течение 3 суток разрешить заявленный против следователя отвод. Подобный порядок был предусмотрен и ст. 130 УПК РСФСР (1960 г.). См.: Там же. С. 198, 262, 368.

²⁵ См.: История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу... С. 201.

б) **о прекращении предварительного следствия** следователь составлял мотивированное постановление с указанием деяния, служившего предметом исследования, и препровождал дело в суд, которому оно подсудно, уведомив об этом прокурора. Суд рассматривал дело в распорядительном заседании и выносил определение о прекращении дела, если соглашался с постановлением следователя. Если суд не считал возможным прекратить дело, он возвращал его следователю для производства дальнейшего следствия с указанием того, чем и в каком направлении должно быть дополнено следствие, или же направлял дело в порядке предания суду с соблюдением правил, изложенных в главе XX Кодекса (ст. 207 УПК 1922 г., ст. 203 УПК 1923 г.)²⁶.

Постановлением 2-й сессии ВЦИК XI созыва от 16 октября 1924 г. "О дополнениях и изменениях Уголовно-процессуального кодекса РСФСР" этот порядок был видоизменен. В новой редакции ст. 222 УПК РСФСР следователь, получив в порядке ст. 105 УПК материал дознания, рассматривал, является ли дело достаточно выясненным, и либо направлял его для производства дополнительного дознания, либо прекращал дело производством при наличии к тому оснований. Прекращение дела могло быть **обжаловано сторонами в суд**, которому дело подсудно, в течение семи суток со дня объявления постановления²⁷.

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 9 февраля 1925 г. "О дополнении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР статьями 4-а, 203-а, 222-а" законодатель возвращается к судебному порядку рассмотрения вопроса о наличии оснований **для прекращения дела**.

В соответствии со ст. 203-а УПК (1923 г.) следователь, усмотрев в деле, по которому должно производиться предварительное следствие, наличие данных для прекращения его на основании ст. 4-а УПК, направлял дело со своим заключением о прекращении прокурору, который в случае своего согласия со следователем, вносил дело **на рассмотрение суда** в порядке ст. 203 УПК или

²⁶ См.: Там же. С. 268.

²⁷ См.: Там же. С. 327.

возвращал дело следователю для производства следствия или составления обвинительного заключения²⁸;

7) **приостановление предварительного следствия и возобновление его** после устранения обстоятельств, вызвавших приостановление, производилось судом, которому было подсудно дело. Определение при этом выносилось в распорядительном заседании суда с обязательным заслушиванием заключения прокурора о достаточности для этого фактических и правовых оснований (ст. 209 УПК 1922 г., ст. 205 УПК 1923 г.)²⁹;

8) Стороны, свидетели, эксперты, переводчики, понятые, поручители и залогодатели за обвиняемого и другие заинтересованные лица могли приносить **жалобы на действия следователя**, нарушающие или стесняющие их права. Жалобы приносились суду того района, в котором расположена камера следователя, или тому суду, при котором следователь состоял (ст. 216 УПК). Кодекс 1923 г. видоизменил эту норму, так как подобные жалобы могли быть принесены не только суду, но и прокурору того района, где следователь состоит. **Жалобы на медленность производства, несоблюдение сроков предъявления обвинения, принятия мер пресечения и незаконные действия следователя** подавались прокурору того района и суда, где следователь состоит (ст. 217 УПК 1923 г.). При этом по УПК 1922 г. и суд, и прокурор были обязаны рассмотреть жалобу в течение трех суток. По УПК 1923 г. жалобу в течение тех же сроков уже обязан рассмотреть прокурор (ст. 218). Определение прокурора или суда объявлялось жалобщику и немедленно приводилось в исполнение. В случае несогласия следователя или жалобщика с решением прокурора (по УПК 1922 г. – решением суда; ст. 224) оно могло быть обжаловано в губернский суд в порядке судебного контроля (ст. 224 УПК 1922 г., ст. 220 УПК 1923 г.).

²⁸ См.: Там же. С. 334.

²⁹ См.: Там же. С. 204–205, 269.

Прекращение прокурором уголовного дела в порядке ст. 226 УПК (ст. 223/3 УПК 1923 г.) могло быть обжаловано сторонами в суд, которому дело подсудно, в течение семи суток со дня объявления им постановления³⁰;

9) получив от следователя уведомление в порядке ст. 203 УПК о направлении дела в суд **для прекращения**, прокурор, если найдет, что дело не подлежит прекращению, входит в суд со своими возражениями и может, если признает нужным, поддерживать лично свои возражения в распорядительном заседании (ст. 230 УПК 1922 г., ст. 226 УПК 1923 г.)³¹.

Не отказывается законодатель и от идеи «высшего судебного контроля» со стороны НКЮ РСФСР, традиционно понимая под ним контроль законности и обоснованности судебных решений. Производство в порядке высшего судебного контроля НКЮ РСФСР регламентировала гл. XXXI УПК 1923 г. В соответствии со ст. 461 УПК (1923 г.) законодатель указывал на то, что он возможен в следующих процессуальных формах: 1) в порядке возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам; 2) по жалобам и протестам на определения совета народных судей, вынесенные в кассационном порядке (ст. 372 УПК РСФСР 1923 г.); 3) по ходатайствам заинтересованных лиц и учреждений и по представлению прокуратуры о пересмотре вступивших в законную силу приговоров народного суда и революционных трибуналов.

Отдельные из форм судебного контроля нашли свое закрепление в «Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» от 31 октября 1924 г. В соответствии со ст. 12 Основ органы дознания о всяком случае **задержания подозреваемых** должны были в течение 24 часов сообщить суду, которому подсудно данное дело, или же народному судье, в районе которого произошло преступление или был задержан подозреваемый. По делу, по которому обязательно производство следствия, органы дознания были обязаны в тот же срок сообщать следователю или прокурору. В течение 48 часов, считая с

³⁰ См.: Там же. С. 206, 270.

³¹ См.: Там же. С. 206, 270.

момента получения извещения, суд, народный судья или следователь обязаны были либо постановить о подтверждении ареста, либо отменить его.

Таким образом, законодатель постепенно дифференцирует как формы судебного контроля, так и сами возможности к реализации такового. С одной стороны, контроль обязателен в отношении задержания, произведенного органом дознания, по делу, которое отнесено к его компетенции. С другой, по делу подследственному следователю, разрешение вопроса о законности и обоснованности произведенного органом дознания задержания отнесено к усмотрению следователя, а не суда. Законодатель считает возможным поступиться важнейшей судебной гарантией прав личности, допуская ограничение личной свободы по (субъективному) усмотрению следователя, входящего в систему исполнительной власти, без права на (судебный) контроль правомерности такого решения. Формирующаяся командно-административная система управления государством и обществом более не нуждается в закреплении такого порядка, при котором те или иные ее решения или действия могли стать предметом независимой проверки, оценки и возможной отмены со стороны органов судебной власти. В данной связи Конституция СССР от 5 декабря 1936 г. меняет роль и возможные формы участия суда в судебном контроле за законностью и обоснованностью тех или иных действий или решений органов исполнительной власти. Хотя ст. 127 Конституции СССР и закрепила положение о том, что никто не может быть арестован иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора³², на практике эта гарантия судебной защиты воспринималась формально, и на предварительном расследовании заключение под стражу с санкции прокурора приобрело практически всеобъемлющий характер.

Сложившиеся тенденции вывода предварительного расследования из-под контроля судебной власти и ослабления роли суда в механизме защиты прав и свобод личности продолжили Основы уголовного судопроизводства Союза СССР и союзных республик (1958 г.) и УПК РСФСР 1960 года. Нормы этих актов уже не содержали положений об участии суда в решении вопроса о приме-

³² См.: История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу... С. 10.

нении мер процессуального принуждения на этапе предварительного расследования³³. Не были закреплены и возможности к судебной проверке тех или иных действий или решений органов и лиц, ведущих процесс, по жалобам участников уголовного судопроизводства и других заинтересованных лиц.

На законодательном уровне это положение было однозначно подтверждено в Конституции СССР (1977 г.) и Конституции РСФСР (1978 г.). Партийно-управленческий аппарат государства уже не нуждается в проверке, а уж тем более в независимом контроле своих действий или решений, в том числе и в области уголовного судопроизводства. Публичные начала процесса, стоящие на страже их интересов, *a priori* не могли содержать норм, позволяющих личности противопоставить себя всеильному государству и поспорить с ним в независимом и беспристрастном суде. Идея независимого судебного контроля за действиями или решениями органов государственной власти оказалась настолько забытой, что попытки ее реанимировать не то что на законодательном уровне, даже на уровне серьезных научных исследований оказались бесплодны.

Возрождение идеи судебного контроля стало возможным лишь в связи с социальными и правовыми реформами конца 80-х – начала 90-х годов XX века и напрямую связано с Концепцией судебной реформы (1991 г.)³⁴.

В постановлении Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. «О концепции судебной реформы в РСФСР», в частности, предлагалось рассматривать в качестве важнейших направлений судебной реформы расширение возможностей обжалования в суде неправомερных действий должностных лиц и установление судебного контроля за законностью применения мер пресечения и других мер процессуального принуждения (п. 3).

Независимый и беспристрастный суд, как орган судебной власти, вновь стал рассматриваться как гарант защиты прав и свобод личности от неправомερных действий государства в лице его органов. Это стратегическое направ-

³³ За исключением, пожалуй, достаточно формальных положений ст. 11 УПК РСФСР, аналог которой закреплен в ст. 127 Конституции СССР (1936 г.).

³⁴ См.: Концепция судебной реформы в Российской Федерации: Изд. Верховного Совета РФ. – М., 1992. С. 91–92.

ление судебной реформы нашло свое подтверждение в Декларации прав и свобод человека и гражданина РСФСР от 22 ноября 1991 г.³⁵, которая впервые (на этом этапе) определила основные формы судебного контроля в обновляющемся уголовном судопроизводстве России (п. 1 ст. 9, п. 2 ст. 11).

Дальнейшее развитие идеи судебного контроля за законностью и обоснованностью досудебного этапа уголовного судопроизводства напрямую связано с проектами нового УПК РФ, вынесенными на широкое обсуждение юридической общественности³⁶, нормами Закона РФ от 23 мая 1992 г.³⁷ и ряда других федеральных законов; с принятием Конституции РФ и рядом постановлений Конституционного Суда РФ по отдельным процессуальным вопросам, с нормами международно-правовых актов о правах человека. Существенный вклад в развитие института судебного контроля внесли и нормы УПК РФ, вступившего в действие с 1 июля 2002 г.

³⁵ См.: Вед. СНД РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 52. – Ст. 1265.

³⁶ См.: Уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР и РСФСР: Теоретическая модель /Под ред. В.М. Савицкого. – М., 1990. 317 с.; Основы уголовно-процессуального законодательства Союза ССР и республик. Проект //Известия. – 1991. – 29 июня; Проект общей части Уголовно-процессуального кодекса РФ /С.А. Пашин, С.Е. Вичин, И.Б. Михайловская и др. – М., 1994. 184 с.; Уголовно-процессуальный кодекс РФ Проект //Российская юстиция. – 1994. – №9. – С. 2–92; Уголовно-процессуальный кодекс РФ Проект //Российская юстиция. – 1994. – №11. – С. 35–63; Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Проект //Юридический вестник. – 1995. – №31/122.

³⁷ См.: Закон РФ от 23 мая 1992 г. "О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР" // Вед. СНД РФ и ВС РФ. – 1992. – № 25. – Ст. 1865.